

авантюжная
мелодрама

АНТОН ЛЕОНТЬЕВ

МОЛЬБЕРТ
В САДУ
ДЖОКОНДЫ

Вместо томатных прохлад по парижат они оказываются ветру в поиски похищенного оригинала «Моны Лизы»

Антон Валерьевич Леонтьев
Мольберт в саду Джоконды
Серия «Авантюрная мелодрама»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50336123
Мольберт в саду Джоконды: Эксмо; Москва; 2020
ISBN 978-5-04-109809-4

Аннотация

Лиза приехала в Париж со своим женихом Степаном, но романтического путешествия не получилось. Они оказались замешаны в историю с нападением на соседскую квартиру: Степана ранили, а обвинили в этом Лизу! Так из счастливой невесты она превратилась в беглую преступницу. К счастью, ей удалось найти укрытие в антикварной лавке мадам Барбары, которая поведала Лизе удивительную историю – с помощью старинной открытки, которую девушка случайно прихватила с места преступления, можно найти... оригинал «Моны Лизы»! Ведь в Лувре висит искусно выполненная копия, о чем никто не догадывается... Или догадывается? Ведь подлинник самой гениальной картины в истории человечества ищут далеко не они одни...

Антон Леонтьев

Мольберт в саду Джоконды

В ночь на 3 мая 1519 года, замок Кло-Люсе, близ Амбуаза,

Турень, королевство Франция

Темные глаза короля Франциска, восседавшего в резном кресле, внимательно смотрели на стоявшего перед ним мужчину.

– Месье, – произнес повелитель Франции тихим, но грозным голосом, – вас называют лучшим учеником мастера Леонардо, призванного сегодня к себе Господом.

Это был не вопрос из уст короля, *аутверждение*.

Моложавый мужчина, которого умерший мастер Леонардо прозвал, и не без причин, «дьяволенком», то есть Салаино – для друзей Салаи, а для всех прочих синьор Капротти да Орено, склонив перед властителем Франции голову в локонях, почтительно, но не без лукавства ответил:

– Нет, сир, я далеко не лучший. Лучший, вероятно, Франческо. Франческо Мецци, сир. Но я – *любимый* ученик мастера Леонардо. – И тихо добавил: – *Был*, сир.

Мастер мертв, скончался намедни – он был глубоким старче, вёсен без малого семидесяти, и правая рука у него уже несколько лет как отсохла, так что занятия живописи остались в прошлом. Но ум, гениальный мощный ум самого знающего человека на свете, из-за которого король Франции

и пригласил его в свои владения, оставался до последнего вздоха прежним.

– Портрет итальянской синьоры он завещал вам, месье.

И снова не вопрос, а утверждение из королевских уст. Салаи вновь поклонился.

– Вы, как всегда, правы, сир. Франческо получил по завещанию мастера Леонардо все, чем тот обладал, а мастер был богат. Я же, бедный дьяволенок, только портрет синьоры Моны...

Он лукавил, как часто в своей жизни, из-за чего мастер Леонардо и дал ему это прозвище. Портрет синьоры Моны Лизы, над которым мастер Леонардо работал, пока был в состоянии, стал любимым произведением своего творца, с которым тот не расставался.

И завещал он его своему любимому ученику.

– Продай мне его.

Опять утверждение, а не вопрос или, тем более, просьба: *королиникогда* не просят.

Густые брови короля Франциска грозно сошлись над переносицей, и Салаи понял: монарх желает во что бы то ни стало заполучить портрет синьоры Моны Лизы, любимое произведение мастера Леонардо. И, по его мнению, самое удачное.

– Сир, – произнес, склоняясь еще ниже, Салаи. – Тело мастера Леонардо еще не предано земле...

Он замолчал – молчал и король. И было что-то грозное и

пугающее в этом молчании, прерываемом только тихим потрескиванием факелов на каменных стенах замка.

Салаи, зная, что спорить с королем себе же во вред, тем более что он – его заложник, в замке, полном вооруженной свиты Франциска, добавил:

– Мастер Леонардо оставил мне портрет синьоры Моны Лизы, и я бы счел святотатством противиться его воле...

Франциск резко встал из кресла: его пышные одежды зашуршали.

– Ты отказываешь *мне*? – произнес он скорее удивленно, чем раздраженно, но Салаи отлично знал: в любой момент на него мог обрушиться беспощадный гнев повелителя Франции.

– Сир, как можно противиться вашим желаниям... – Салаи выпрямился и дерзко посмотрел королю в глаза, не отводя взгляд.

Мастер Леонардо был прав: портрет синьоры Моны Лизы – лучшая его работа. И, следовательно, лучшая из всех картин, созданных людьми. И раз он хотел, чтобы она досталась ему, его любимому «дьяволенку», то так тому и быть.

– Но мне надо время, чтобы подумать, сир...

Глаза отвел король, который, покидая зал, на ходу бросил:

– Подумай, Салаи, хорошенько подумай над моим предложением. Заплачу щедро, *по-королевски*, так что не прогадаешь.

Ну да, а ведь мог бы просто отобрать.

Король вышел, Салаи, выждав, последовал за ним, но стоявшие в дверном проеме стражники скрестили алебарды, не пропуская его.

Франциск – уже на лестнице – не оборачиваясь, изрек:
– Ты хотел времени, чтобы подумать, – так что думай, Салаи! А пока будешь думать, продать ли мне портрет синьоры Моны, никуда не отлучайся. Когда примешь решение, скажи страже, они мне доложат.

Салаи, посмотрев на алебарды стражников, понял, что он в западне: Франциск хотел получить синьору Мону Лизу – и в итоге он *получит* ее.

* * *

Пятьсот с чем-то лет спустя

Лиза

– ...Ну и, конечно, «Мону Лизу»! – завершила свою тираду Лиза и поцеловала Степу в нос. – Как же без нее!

Степан, усмехнувшись, привлек к себе девушку и, целуя и в нос, и в лоб, и в щеку, со смехом ответил:

– Понимаю, какая поездка в Париж без Лувра и какое посещение Лувра без «Моны Лизы». Но, Лизок, я ведь ее уже видел, и не раз!

Девушка, и не думая вырываться из объятий своего молодого человека, а в скором будущем – и мужа, ответила с наигранной обидой:

– Ну да, ты-то в Париже уже в который раз? *Втретий?*

– В четвертый... – охотно подсказал ей Степа, и Лиза, скорчив смешную рожицу, которая, однако, удивительно подходила к ее подвижному, веснушчатому, окаймленному рыжими локонами личику, протянула:

– Ну вот, видишь! *Вчетвертый!* И это в свои-то двадцать три года...

– Скоро в двадцать четыре! – заявил солидно Степан.

Лиза с хохотом возразила:

– Не скоро, а через целых пять месяцев! Ну да, ты ее видел, но я-то нет! Или ты не хочешь, чтобы я ее *увидела?*

– Останешься разочарованной, Лизок. Небольшой зальчик, забитый чуть ли не под завязку туристами, в последние годы в основном китайскими, у каждого из которых в руке по два смартфона. Шансов приблизиться к стене, на которой висит «Мона Лиза», у тебя изначально нет. К тому же это в нашем воображении большой портрет, а на самом деле маленькая такая картинка. К тому же защищенная пуленепробиваемым стеклом, в котором отображаются все эти толпы туристов, а с недавних пор еще и отгороженная особыми перилами, которые держат всех зевак на почтительном расстоянии от шедевра Леонардо. Мы потопчемся на пороге зала, увидим что-то темное, в массивной раме, за отбрасывающим

блики стеклом, вот и все. Ты уверена, что ради этого стоит идти в Лувр? Может, займемся в Париже *чем-то более приятным?*

Последующие минут двадцать, если не *всестридцать*, они и в самом деле занимались чем-то *гораздо более* приятным. Наконец, Лиза, легонько оттолкнув от себя ненасытного друга и будущего супруга, поднялась с большущего дивана, стоявшего в гостиной, и подошла к прикрытому ставнями высокому окну.

– Вот это да! – воскликнула девушка, раздвинув шторы и открыв ставни. – Это же настоящий Париж!

Степа, мурлыкая, подошел к Лизе со спины и, щекоча ей поцелуем затылок, произнес:

– Ну да, мы ведь, Лизок, с сегодняшнего утра в *Париже!*

А вид был в самом деле потрясающий: серо-белые, словно в дымке, особняки, на углу – прелестное кафе, где в плетеном кресле восседал пожилой господин с красным шарфом вокруг шеи и в чудном черном баскском берете, неторопливо почитывая газету и попивая из небольшой чашечки кофе, чуть дальше – ювелирный магазинчик, из которого выходила пожилая, облаченная, несмотря на теплую сентябрьскую погоду, в шубу из сказочного черно-белого зверя пожилая мадам, державшая в одной руке (сплошь в золотых браслетах) поводок, к которому была прикреплена крошечная, противная и наверняка злобная собачонка, а в другой (сплошь в драгоценных перстнях) – диковинный длин-

нющий мундштук с курившейся сизо-бирюзовым дымом сигаретой. Даму, наверняка важную и богатую клиентку, провожал тощий, затянутый в мышинового колера униформу сотрудник, державший в руках ворох пакетов.

А над ними, где-то совсем недалеко, – импозантная громада древней церкви.

Все как в изготовленном крутым агентством рекламном ролике про идеальный, вероятно, *никогда в реальности не существовавший* Париж.

Внезапно мизансцена изменилась, и откуда-то сбоку на улицу вывернули не меньше двух десятков шумных, аляповато одетых туристов, конечно *жекитайских*, которые едва ли не наперегонки бросились занимать свободные кресла в кафе.

Вздохнув, Лиза повернулась к Степе и произнесла:

– Значит, в Лувр*не* пойдем? И «Мону Лизу» *не* увидим?

– Ну конечно же, пойдем! И увидим твою тезку, Лизок! Только не сегодня – сегодня же вторник, а Лувр по вторникам закрыт. Но точно – завтра!

Лиза, повеселев, взъерошила непослушные темные кудри Степы:

– Ну, раз так, то самое время продолжить заниматься в Париже кое-чем *гораздо более приятным*.

Благо, что гигантский диван был под боком.

– ...Так ты не сказал, во сколько в итоге нам обошлась аренда! – произнесла Лиза, поднимаясь на четвертый этаж по изящной, словно кружевной лестнице их парижского жилища на рю Франсуа Мирон, в квартале Сен-Жерве, неподалеку от станции метро «Сен-Поль».

Этот вторник в середине сентября, начавшийся в Москве, завершился, точнее, с учетом того, что уже давно перевалило за полночь, *уже завершился* в Париже.

– И не скажу! – произнес, зевая, Степа. – Потому что это мой тебе подарок, Лизок! Вообще-то в свадебное путешествие в Париж отправляются *после* свадьбы, но у нас, как ты сама знаешь, все шиворот-навыворот, поэтому мы сделаем это *до!*

Поднявшись на нужный этаж, они подошли к высоченной черной лакированной двери. Степа, продолжая зевать, попробовал нащупать ключи в заднем кармане джинсов.

– Потерял! – охнул он вдруг, а Лиза, беспечно махнув рукой, ответила:

– День был такой чудесный, что его ничего не испортит. Значит, переночуем в парижском подъезде. Ну, или к соседям на ночь напросимся...

Девушка хихикнула.

Шампанское, которого она, вероятно, все же перебрала во

время их дивной прогулки по «городу любви», давало о себе знать.

Подойдя к соседней двери, Лиза положила палец на кнопку звонка и, сдвинув брови, произнесла:

– Ну что, проситься на ночлег или ты свяжешься с владельцем квартиры? У тебя ведь номер имеется. Кстати, во сколько она обошлась, ты сказал?

Степан ничего такого не сказал, потому что упорно держал глухую оборону, явно не желая выдавать сведения о том, сколько же он заплатил за шесть дней и пять ночей в этой шикарной старинной парижской квартире с двумя ванными комнатами с мозаичным полом, роялем в гостиной и кроватью с балдахином с наполеоновскими вензелями.

Ну, и прочими, быть может, несуразными и нелепыми, явно излишними, *нотакими приятными* буржуазными мелочами.

– Вспомнил! Ты же сама у меня их забрала и положила к себе в сумочку... – воскликнул Степа, и Лиза поняла, что он прав.

В этот момент раздался пронзительный звонок, и девушка поняла, что по неосторожности все-таки нажала на кнопку звонка чужой квартиры.

Лиза и Степа переглянулись, а потом наперегонки бросились к своей двери.

– Ну давай же! – торопил молодой человек девушку, искавшую ключи от парижской квартиры в своей крохотной

сумочке, висевшей у нее на плече. – А то сейчас дверь откроется и...

Лиза, отыскав наконец ключи, извлекла их, однако так неловко, что они с грохотом упали на каменный пол.

– Сейчас же почти три утра! Ну, илиночи. Думаешь, кто-то откроет?

Степа, прижав ее к себе, вдруг произнес:

– Видишь полоску света? Это кто-то зажег в коридоре свет!

Сердце у Лизы вдруг забилося быстро-быстро. Ну подумаешь, ненароком совершила глупую выходку, явно не достойную двадцатитрехлетнего системного аналитика в одном из частных банков. *С кем не бывает!*

В особенности если в первый раз очутилась в Париже со своим будущим мужем.

Извинится, если кто-то откроет дверь. Не так это и ужасно...

В этот момент за дверью соседской двери вдруг что-то глухо стукнуло – как будто на паркетный пол свалилось что-то металлическое и массивное.

А потом полоса света под дверью исчезла.

Лизе вдруг стало *страшно*.

Степан, быстро подняв ключ, ловко воткнул его в замочную скважину, отомкнул дверь и, увлекая Лизу за собой, прошептал:

– Не нравится мне все это...

И, прикрыв дверь, повернул ключ в замке два раза.

Лиза, прижимаясь к Степе, ощущала его учащенное дыхание и, зная, что ее будущий муж – большой поклонник фильмов ужасов, еле слышно проронила:

– А что, если там обитает... *не человек?*

Степа, который прильнул к дверному глазку, ответил:

– Все может быть! Опять свет зажегся!

И до них снова донесся звук тяжелого, хоть и приглушенного на этот раз двумя дверьми удара.

Лиза, прильнув к Степану, прошептала:

– Может, человеку нужна помощь? Может, он на стойку с зонтиками налетел и перевернул ее, а виновата в этом я? Может, там человек с ограниченными физическими способностями живет, а мы над ним издеваемся, как уличные хулиганы...

– А может, вовсе и не человек, – произнес Степан уже не шепотом, а вполне обычным голосом, но от этого внушавшим трепет *вгораздо большей степени*. – Читал я рассказ у кого-то из малоизвестных «ужасов» о том, как молодая семья въехала в такую вот квартиру, а напротив них обитал странный, никогда не выходивший из своего логова сосед. А когда он однажды в полнолуние все же покинул свое убежище, выяснилось, что он...

Степан смолк, а потом снова шепотом произнес:

– Дверь на несколько сантиметров приоткрылась! И свет снова погас...

Лиза, цепко державшаяся за его локоть, вдруг ощутила, как молодой человек начал дрожать.

Или ей это *показалось*?

Да, наверняка показалось: Степа же никогда и никого не боялся!

И ничего тоже?

Потому что, могло стать, тот, кто обитал за дверью это парижской квартиры, позвонить в которую ее в самый глухой час ночи словно черт дернул, был не из категории *некто*. А из категории *нечто*.

Вот именно: *черт дернул*.

– Дай посмотреть! – заявила девушка, вдруг понимая, насколько нелепо, более того, истерично было их поведение. Разбудили какого-то парижанина, по всей видимости, пожилого, быть может, не совсем здорового, а теперь еще фантазируют бог весть что, представляя его – ну, или *ее!* – каким-то сказочным монстром.

Или монстром *вполне реальным*?

Литературные и кинематографические предпочтения Степы Лиза не разделяла, не понимая, что такого можно находить во всех этих зомби, живых мертвецах, чудищах из глубин океана или далеких галактик и азиатских девушках с невымытыми волосами и нестриженными ногтями, которые нападают на своих жертв, выползая на карачках из экрана телевизора.

Она предпочитала старые добрые классические детекти-

вы, а также авантюрно-приключенческие романы о поисках затерявшейся святыни или гениального шедевра.

– Ну что? – Степа потеревил ее за плечо, явно и сам желая взглянуть на то, что разыгрывалось в коридоре.

Но в том-то и дело, что *ничего* не разыгрывалось. Степан был прав: дверь была немного приоткрыта, однако свет за ней снова погас.

– Ничего нет... Ложная тревога... – произнесла девушка, у которой отлегло от сердца. Ей стало неловко за их со Степой подростковые выходки.

Нет, не подростковые даже, *детские*.

– Надо хотя бы извиниться, а не прятаться! – сказала она и решительно повернула ключ в замке.

Степа, вцепившись ей в руку, причем преобильно, зашептал с побелевшим лицом:

– Нет, не открывай! Это прямо как в рассказе! Там героиня тоже мужа не послушалась, вышла, а то, что обитало в соседской квартире, но уже не в человеческом виде, а в виде оборотня, бросилось на нее...

– Ты мне *муж!* – сказала Лиза, сразу же пожалев об этих словах, которые прозвучали весьма жестко и колко.

Да, не муж, но ведь они собирались пожениться! Но если так, то почему Степа не говорит ей, во сколько обошлась парижская квартира? Он буквально бредил тем, чтобы платить за *всесамому*. Может, какие-то женщины и были бы этому крайне рады, в особенности если бы будущий муж за соб-

ственный счет увез их в Париж и поселил в шикарной съемной квартире. Какие-то, но *не она*.

Она *сама* была в состоянии заплатить.

Даже когда на рю Риволи она хотела купить и Степе, и себе сладкой ваты, он буквально оттолкнул ее от тележки, уже вручая продавцу купюру и не беря сдачи.

Да, многие о таком друге, более того, муже мечтают.

Но мечтает ли *она*?

– Не открывай! – крикнул Степа, навалившись на дверь, а Лиза тихо произнесла:

– Ты делаешь мне больно, Степа.

В таком состоянии она его еще не видела. Он что, *боится*?

А ведь и в самом деле – боится! Господи, неужели человек, которого она любит и с которым решила в ближайшее время связать себя брачными узами, верит во всю эту белиберду, которую сочиняют разнообразные «ужасные» романисты и сценаристы?

Похоже, *да*.

И как она этого раньше *не замечала*. Или *не хотела* замечать?

– Елизавета, я повторяю... – начал Степан, а это означало, что он крайне разозлен: ее полное имя, а не шутивно-интимное «Лизок» он употреблял до сих пор только однажды, во время их единственной ссоры.

До поездки в Париж единственной.

Хотя речь там шла о совершенно иной материи, но в итоге

все сводилось к тому же: чья точка зрения важнее – его или ее.

Например, относительно того, стоит ли ей после свадьбы сразу же беременеть и бросать работу. Ведь он, видный программист, зарабатывал, несмотря на свои неполные двадцать четыре года, более чем солидно.

Наверное, не только для Москвы, но и для Парижа. Впрочем, может, даже и в *обратной последовательности*.

Да, воззрения у Степы, которого Лиза любила без памяти, были более чем консервативные. Против детей она ровным счетом ничего не имела, но почему именно сейчас, когда в ближайшие года два-три решится, сможет ли она подняться по карьерной лестнице?

Почему *непосле*?

Да и зачем, вообще, увольняться – можно же работать из дома, можно на неполную ставку, можно вообще свою модель придумать...

Но ее идеи Степе не понравились – тогда он и назвал ее впервые «Елизаветой».

Степа, казалось, не слышал, продолжая с бледным, искаженным лицом взирать на нее, вцепившись Лизе в плечо и преграждая своим высоким спортивным телом путь к двери.

– Ты делаешь мне больно, *Стена!*

Она повторила это, но не громче, а, наоборот, тише, однако именно это и подействовало: черты лица ее будущего мужа смягчились, он убрал руку и даже подвинулся в сторо-

ну, хоть *инемного*.

– Ну, как знаешь! В том рассказе муж пошел помогать жене, а оборотень его тоже разорвал в клочья!

Лиза поняла: Степан ей помогать *не пойдет*. Впрочем, он ведь ей *и не муж*.

* * *

Открыв дверь, Лиза вышла в коридор и практически тотчас услышала у себя за спиной клацанье замка и хруст поворачиваемого ключа – Степан немедленно закрыл за ней дверь.

А она точно его любит?

За соседской дверью вдруг снова вспыхнул свет.

Лиза, не ощущая страха (этим страхом ее заразил Степа!), однако чувствуя некое подобие беспокойства (что с учетом ситуации было вполне понятно), подошла к приоткрытой на несколько сантиметров двери и замерла.

Что сказать – и, главное, *накаком языке?* По-французски она говорила неважно, в отличие от английского, которым владела весьма неплохо.

Но, как она слышала, многие французы, в особенности *пожилые*, принципиально не общаются с туристами на английском, даже если он им знаком.

Поэтому, кашлянув, девушка произнесла по-французски:
– Добрый вечер...

И запнулась. Ну да, в три утра желать доброго вечера более чем странно. И, вообще, что ей стоит добавить: «месье» или «мадам»?

Она ведь не знала, *скем* имеет дело.

Или *счем*.

– Добрый вечер... – повторила она, и в этот момент из щели между приоткрытой дверью и косяком высунулась худая, покрытая пергаментной кожей рука, причем так внезапно, что Лиза вздрогнула.

Длинный палец с ногтем, больше похожим на коготь, поманил ее. Лиза в страхе обернулась, уверенная, что Степан наблюдает за происходящим из-за закрытой двери в глазок, явно не желая присоединиться к ней.

Интересно, если из-за соседской двери на нее сейчас в самом деле выскочит что-то кошмарное, например оборотень или, с учетом странной конечности, зомби или ведьма, и ей придется уносить ноги от нечисти – Степан откроет ей дверь спасительной квартиры?

Отчего-то Лизане *была* уверена в этом.

Палец с когтем продолжал манить ее, и Лиза, сделав шаг, переборола страх.

– Вам нужна помощь? – спросила она, осознала, что задала вопрос по-русски, и тотчас перевела его на французский.

Дверь вдруг резко распахнулась, и Лиза *действительно* увидела некое подобие ведьмы – хотя нельзя было сказать, женщина это или мужчина. Крайне худое, изможденное, по-

крытое пергаментной кожей тело, скуластое лицо с огромными глазами, вислые длинные волосы: тот, кто обитал за соседской дверью, обладал поистине запоминающейся и внушавшей трепет внешностью.

В особенности в три часа ночи.

– Вы говорите по-русски? – произнес то ли сосед, то ли соседка по-английски – тело укутывало некое подобие халата-савана.

– Вы тоже? – спросила Лиза, которая вдруг поняла: никакой это не монстр, не ведьма и не оборотень, а одинокий пожилой, вероятно, больной не только физически, но в первую очередь психически человек, чей покой она потревожила дурацкой выходкой со звонком в три часа ночи.

Сосед (Лиза все же уверилась, что это мужчина) быстро произнес:

– Не говорю, но понимаю. Это ведь *они* вас послали?

– *Они*? – переспросила Лиза, а сосед закивал, словно не сомневаясь в правдивости своих слов:

– Ну да, *они*, кто же еще! Они ведь обхаживают меня, выжидают, хотят убить. Вероятно, и убьют. Сначала льстили, потом, когда не помогло, стали угрожать, теперь подослали красавицу...

Лиза смутилась. То ли от того, что вела в три часа ночи в парижском доме на рю Франсуа Мирон разговоры, вполне подходящие для пьесы абсурда какого-либо известного французского драматурга, то ли потому, что этот неведомый

тип назвал ее *красавицей*.

– Но скажите им, что я ничего не отдам! Он мой, только мой! Леонардо мой!

Дверь внезапно захлопнулась, и из-за нее донеслись все те же слова, только уже на французском, впрочем, речь вскоре стихла.

Постояв, Лиза пожала плечами и громко сказала по-русски:

– Мне очень жаль, что мы вас потревожили...

Ну, Степа к этому причастен не был, поэтому она исправилась:

– Чтoя вас потревожила. Если вам нужна помощь, скажите, что мне сделать.

Тишина, хотя Лиза не сомневалась, что странный сосед, прильнув к двери с обратной стороны, жадно ловит каждое ее слово.

– И уверяю вас: *они* меня к вам не посылали! Кто эти «они», я, вообще, не знаю!

За дверью снова что-то бабахнуло, но ответа на ее тираду не последовало, и Лиза, пожелав соседской двери доброй ночи, подошла к своей.

В том, что Степан наблюдал за ней все это время, она тоже не сомневалась, поэтому произнесла:

– Как видишь, оборотень оттуда не выпрыгнул. Ну да, ведь до полнолуния *еще далеко*. Так что бог миловал. Вернее, *черт*. Ну, ты откроешь, Степа, или мне придется проситься

на ночлег к нашему эксцентричному соседу?

Замок, задрезав, провернулся, и Степан приоткрыл ей дверь. Впрочем, едва ли больше, чем на треть.

Однако, когда она оказалась в коридоре (и он, тотчас хлопнув дверь и снова заперев замок на ключ, а потом *перепроверив*, дергая ручку, что они надежно отгорожены от подъезда, прижал ее к себе и произнес, вновь став прежним Степой – милым, чутким и милым, – своим *обычным* голосом:

– Лизок, ну ты даешь! С местными парижскими сумасшедшими общаешься...

Он поцеловал ее в губы, причем властно и долго, а Лиза, вывернувшись из его объятий, ответила:

– С сумасшедшими? А ты уверен, что это не оборотень, зомби или, на крайний случай, *вампир*?

– Такими вещами не шутят, Лизок! Потому что бывает то, чего и быть не может! И на твоём месте я бы соваться в чужие дела не стал...

Но все дело в том, что Степане *был* на ее месте, а был на *своем*.

И Лиза вдруг задумалась, так ли уж точно она хочет, выйдя за Степу замуж, переместиться со своего места на место его.

А хочет ли она *вообще* выходить за него замуж?

Странно, но ведь эту поездку Степа и организовал после того, как она приняла его предложение.

Нопринять предложение не значит поставить подпись в ЗАГСе.

– Ты у меня смелая, Лизок! А я трусишка! Ну да, такой вот я, как все мужики... Сама знаешь, какая русская баба...

Кажется, *кого-то* мучила совесть, *кому-то* было стыдно. Или, впрочем, *кто-то* кусал себе локотки, потому что выставил себя в дурацком свете.

И этот такой родной *кто-то* теперь пытался реабилитировать себя в глазах своего Лизка, покрывая ее лицо поцелуями и, кажется, на полном серьезе намереваясь заняться с ней сексом в прихожей парижской квартиры.

Перед дверью, за которой располагалась еще одна дверь, а за той некто, прильнув большим морщинистым ухом, внимал каждому слову, вздоху и стону, который доносился до него.

Некто – или *ничто*.

– Извини, Степа, но что-то я устала. – Лиза решительно оттолкнула от себя разошедшегося, причем, похоже, не на шутку, молодого человека, своего будущего мужа. – И ты наверняка тоже! Мы уже двадцать четыре часа на ногах!

– Ну, Лизок, не дуйся! Это же я ради нас с тобой заботился о твоём благе! О том, чтобы с тобой ничего не случилось. С тобой и нашими будущими детками...

Его рука легла на ее живот.

Лиза, отпрянув, сказала:

– За это тебе большое человеческое спасибо, Степа. Ну,

иливам *тирфе*. Ведь кто знает, что могло поджидать меня за той дверью. А ты бесстрашно отпустил меня туда одну знакомиться с «миром полуночи».

Степа небрежно откинул черные кудри со лба, прекрасно зная, что этот жест делает его неотразимым.

– Ну, не дуйся, Лизок! Я же извинился. Я человек, а не робот, как ты, вот мне на мгновение и сделалось, каюсь, страшно. Ну, полезла всякая чепуха в голову. Разве по себе не знаешь?

Конечно, она знала. Хотя, *как робот*, не могла знать.

– А что этот тип сказал? Он что, по-русски понимает? Вот это да!

Лиза, направляясь в одну из двух ванных комнат *изапирая ее изнутри* (иначе, и в этом она не сомневалась, ей грозила компания Степы, к которой после инцидента с соседской квартирой она была не готова, во всяком случае, *прямо сейчас*), громко ответила из-за двери:

– Да так, поговорили о трудностях быть исчадием ночи. И передала привет *графу Дракуле*.

Впрочем, злость на Степу улетучилась, когда она, намеренно простояв под душем не меньше получаса, а потом долго вытираясь перед огромным зеркалом, вышла из ванной комнаты и обнаружила его спящим в кресле – в одежде и даже в кроссовках.

Склонившись над ним, Лиза отбросила со лба темную прядь и поцеловала своего друга *ипочти мужа* в лоб.

Ну да, мужа – несмотря на все, она его любила, *да еще как!*
Или же...

Степа, приоткрыв глаза, усмехнулся, потянул к себе девушку, а дальше...

Дальше они перешли в спальню с кроватью под балдахином, украшенным наполеоновскими вензелями!

* * *

Утром, попивая на просторной кухне горячий черный кофе, Лиза не могла отделаться от ощущения, что и она сама, и Степа ведут себя так, как будто вчера ничего не случилось.

Точнее, *ужесегодня.*

И она имела в виду не восхитительный секс, который последовал в пятом часу утра.

Вероятно, даже *чересчур* восхитительный, словно...

Словно во искупление вины.

А сцену в коридоре, во время инцидента с соседской квартирой.

Наблюдая за полураздетым другом, а скоро и мужем, который о чем-то, не переставая, болтал, Лиза думала: *любит ли она его?*

Все остальное неважно.

И сама же дала себе ответ: *да, любит.* Несмотря на неприятную сцену, ничуть не меньше, чем раньше. Не исключено, что даже больше.

Ведь и на солнце есть пятна.

А вот что касается утверждения, что все остальное неважно...

Возможно, это было не так. Далеконе так.

Совсем и полностью не так.

Степа, вдруг замерев на полуслове, улыбнулся, как умел улыбаться только он, и спросил:

– Ты так на меня смотришь, Лизок...

Душа у нее ушла в пятки. *Неужели...* Неужели он почувствовал, что она сомневается? Нет, не в ее к нему любви, а в том, стоит ли *доверять* этой любви.

Идоверяться.

– О чем ты думаешь? – произнес Степан, и тон его вдруг сделался требовательным. Или это ей *показалось*.

А может, не только это показалось?

Паникуя, Лиза брякнула в ответ первое, что пришло в голову:

– Наверняка перед Лувром уже гигантская очередь. И выставочный зал с «Моной Лизой» забит китайскими туристами.

Степа улыбнулся, подошел к ней и поцеловал за ушком. Она ведь всегда от этого млела. Впрочем, млела и сейчас. *Но...*

Но что-то изменилось?

– Вероятно, забит, и я бы купил частную экскурсию по пустому Лувру, причем за любые деньги. Но Лувр этого не

предлагает, по крайней мере на своем официальном сайте. Однако я организовал для нас еще до вылета из Москвы билеты по Интернету. Стоять перед пирамидой во внутреннем дворе не придется. У нас еще есть три часа, чтобы позавтракать, прошвырнуться по городу и попасть в Лувр!

– Организовал? – спросила Лиза, стараясь, чтобы ее голос звучал нейтрально. Ну да, любящий ее мужчина *организовал* билеты в Лувр – что может быть лучше и круче?

Только организовал на тот день и время, которые сам счел правильными.

– Ты не рада? – спросил Степа. – Лизок, если что-то не так, то мы не пойдем, конечно. Давай тогда сегодня не в Лувр, а куда-то еще. Ты что хочешь? Просто погулять по городу? Съездить в Версаль? Покататься по Сене?

Вероятно, она дура, причем дура *огромная* и *набитая*. Ее друг, а вскоре и муж, решил сделать сюрприз, обо всем позаботился, все устроил, а она еще и недовольна.

Ну да, дура.

Только вот опять все выходило так, как хотел он.

Но разве она не хотела сегодня отправиться в Лувр?

Чувствуя, что на глаза у нее набегают слезы, девушка проворчала, не желая, чтобы Степа понял их *истинную* причину:

– Ах, ты такой... *заботливый!*

– Лизок, глупенькая, ты что, плачешь? Ну, не надо! Я не хочу, чтобы ты плакала...

А может, *она* хотела?

– Ну, не стоит! Понимаю, что для тебя это такой приятный сюрприз, но сюрприз и должен быть приятным, не так ли? Какой прок от сюрприза *неприятного*?

Например, от такого, как прошедшей ночью...

Степа прижал к себе Лизу, и она, чувствуя, что сейчас зарыдает во весь голос, и желая во что бы то ни стало остановить слезы, произнесла:

– Ну да, очень приятный, вот я и плачу. Спасибо тебе, Степа!

Хорошо, что на его мобильный пришло сообщение, и Степан, востепенувшись, поцеловал Лизу и метнулся проверить, кто и что прислал.

Это могло быть что-то важное *по работе*.

Воспользовавшись паузой, Лиза, так и не допив кофе, выскользнула из кухни, проследовала в ванную комнату, где, *закрывшись* (что, вероятно, грозило перерасти *в привычку*), включила воду и дала волю слезам.

Нет, не так она представляла свое предсвадебное романтическое путешествие в Париж.

Не так.

А судя по прекрасному настроению Степы, у него-то все шло по плану – *по его* плану.

Лиза дала себе зарок, что не даст больше воли чувствам и постарается быть прежней.

Заминка вышла, когда они покинули квартиру и оказались перед дверью соседской. Странная сцена, разыгравшаяся ночью, казалась теперь сюрреалистичной.

– Вампир спит в своем обитом бархатом гробу! – произнес Степан, впрочем, весьма громко и с подвыванием, косясь на соседскую дверь.

– Прекрати! – произнесла Лиза, устремившись по лестнице вниз. Степан, нагнав ее, сказал виноватым тоном:

– Ну, извини, пошутил. Ты вчера это восприняла так близко к сердцу, Лизок...

Она восприняла?

Она?

Не зная, как на это реагировать, девушка только убыстрила темп.

– Обиделась? – спросил Степа, когда они оказались в холле, и Лиза, следуя данному самой себе обещанию *не портить поездку в Париж*, с легкой улыбкой ответила:

– Нет, просто сосед, ну, или, быть может, *соседка* понимает по-русски. Не думаю, что ему или ей будет приятно слышать, как ты называешь его или ее вампиром...

Консьержа в доме не было, зато через парадную дверь входил пожилой господин в красном шарфе и черном берете, как две капли воды похожий на того, что сидел вчера в кафе

напротив.

Собрав все свои знания французского, Лиза поприветствовала его и, пожелав доброго утра (хотя уже был скорее *день*), поинтересовалась, не знает ли он эксцентричного соседа или соседку с четвертого этажа.

– Кажется, мы потревожили вчера его покой...

Месье Рене-Антуан, тотчас разрешивший «юной прелестнице» и ее «обворожительному спутнику» называть себя *просто Антуаном*, рассыпавшись в комплиментах, возжелал узнать, откуда Лиза и Степа прибыли в Париж, а потом стал давать советы, которые молодым людям не требовались.

При этом он съедал Лизу глазами, что, как отметила девушка, крайне не понравилось Степе, и еще интенсивнее *самого* Степу, что не нравилось тому *гораздо* больше.

– Мы не смеем отнимать у вас время... Так вы не знаете, кто проживает на четвертом?

– Ах, это месье Клод. Он тут всю жизнь живет. Я хоть тут всего пару лет обитаю, но в курсе. Ужасно богат, просто ужасно! Он уже давно *того*. Из квартиры никогда не выходит, редко кого к себе пускает. Выглядит, по словам тех, кто его видел, весьма специфически, прямо как привидение. Но безобидный. Ах, и советую вам также посетить частный музей эротической фотографии. Его владелец – мой хороший друг, я с удовольствием составлю вам компанию...

Когда молодые люди ретировались, Степа, отдуваясь, произнес:

– Не понял, о чем он там щебетал, но что-то про фотографии и про эротику тоже. Так бы и вмазал ему!

Взяв Степу за руку, девушка решительно произнесла:

– Нет, не надо. Он не вампир, а еще хуже – *старый похотливый сатир*. И не уверена, что такой уж безобидный, в отличие от месье Клода. Думаю даже, что совсем нет.

– Будет к тебе клеиться, Лизок, или тем более *ко мне*, я ему его дамскую беретку на нос натяну! И сверху еще шарфиком идиотским кокетливо завяжу!

Чувствуя определенную гордость за Степу, *своего* Степу, Лиза всей грудью вдохнула свежий осенний воздух, и молодые люди отправились на многочасовой променад по французской столице.

* * *

В Лувре их ждало разочарование – после того, как они наконец-то спустились на эскалаторе в нутро стеклянной пирамиды во внутреннем дворе бывшей королевской резиденции и прошли внутрь, выяснилось, что по причине ремонтных работ «Мона Лиза» после масштабной прошлогодней выставки работ Леонардо переехала из зала Джоконды, он же зал № 711, расположенного на втором этаже галереи Денон.

Теперь шедевр Леонардо располагался в галерее Медичи. Лиза и Степа, с трудом проталкиваясь среди туристов, в основном действительно *китайских*, направились туда.

– Кстати, – произнес молодой человек, – о ком вещал наш вампир? Он ведь что-то говорил тебе о Леонардо, которого он никому не отдаст.

Оказывается, Степа очень даже хорошо понял содержание ее беседы с месье Клодом, несмотря на все его уверения в обратном.

Значит, *лгал*.

– Может, он имеет в виду постер с Леонардо ди Каприо, – пожалала плечами Лиза, намеренно поддразнивая Степу. – Кто знает этих затворников!

Степа же, приняв ее слова за чистую монету, горячо возразил:

– А этот твой старый пень в женской беретке что-то там лопотал, что вампир очень богат. Может, у него в самом деле шедевр Леонардо в квартире висит! Вот бы попасть туда и посмотреть...

– А я думала, ты по-французски не понимаешь? – произнесла Лиза ровно, а Степа отбросил со лба прядь:

– Ну, хорошего английского для того, чтобы понять общий смысл французской беседы, хватит. А сколько может стоить такой вот потерянный шедевр Леонардо? Наверняка многие миллионы! Десятки миллионов. Вероятно, даже *сотни!*

Вопрос этот Лизу ничуть не занимал, и она, ткнув пальцем в план музея, сказала:

– Нам сюда!

То, что им сюда, подтверждала и большая толпа перед входом в выставочный зал в галерее Медичи. Степа, аккуратно, но решительно обогнув группку китайцев, повел за собой Лизу, крепко сжимая ее ладонь в своей.

И вот наконец там, вдалеке, в самом деле под отбрасывавшим блики пуленепробиваемым стеклом, огороженная перилами, возникла на стене она.

Самая знаменитая картина в мире.

– Придется пробиваться, но где наша не пропадала! – произнес Степа, и Лиза уловила контуры всемирно известного лика.

Продвижение застопорилось, потому что сразу несколько гостей из Поднебесной решили сделать селфи на фоне Моны Лизы.

Степа стал огибать их справа, шепнув Лизе:

– Вот туда, видишь, где пожилая парочка? Они сделали свои снимки и сейчас отчаят. Тебе надо на их место, и ты будешь прямо около перил!

– А ты? – спросила Лиза, а Степа благодушно ответил:

– Ну, мы с твоей тезкой старые знакомые. Так что снова смотреть в глаза друг другу причин особых нет. Ну, живее. Смотри, тетя снова прихорашивается для селфи, но наверняка потом...

В этот момент парочка юных азиатских гостей, то ли юноши, то ли девушки, перепрыгнув через перила, оказались на запретной территории, подскочили к «Моне Лизе» и, корча

около нее невероятные гримасы, стали снимать себя на мобильные, что-то возбужденно вереща.

Раздался грозный окрик, к молодым людям присоединился насупленный охранник, однако те и не думали прекращать съемку – видимо, для своего интернет-блога, а, наоборот, стали играть с ним в «кошки-мышки».

Подоспевшие из соседних залов охранники и зрители стали весьма нелюбезно выталкивать туристов из зала с «Моной Лизой», а Степа произнес:

– Что, давай тоже бросимся к перилам и сделаем селфи?

Лиза, покорно позволяя выпихнуть себя из зала, ответила:

– Нет, значит, не судьба. Но, когда они извлекут этих двоих, то наверняка снова запустят туристов...

Не запустили.

Когда лучезарно улыбающихся нарушителей спокойствия охранники вывели прочь (причем все это одновременно снималось сразу на десятки, если не *на сотни* мобильных), двери выставочного зала с «Моной Лизой» захлопнули, а суровая темнокожая особа в униформе на сильно офранцузенном английском объявила:

– Из-за инцидента доступ к «Моне Лизе» на сегодня закрыт! Ее должны исследовать специалисты! Приходите завтра!

– И, главное, снова покупайте дорогие билеты! – заявил в сердцах Степа. – Нет, как нам могло так не повезти? И, главное, *почему?*

Ответ был очевиден: потому что молодые оболтусы решили, игнорируя всяческие правила, сделать селфи с самой знаменитой картиной в мире.

Но у Лизы было свое объяснение: «Мона Лиза» решила, что момент для их *рандевуэще не наступил*.

Сообщать свою версию будущему мужу девушка не стала.

– Так не доставайся же ты никому! – рассуждал Степан, когда они, побродив по Лувру и бросив взгляд на прочие шедевры, наконец потянулись к выходу. – Ну, завтра, что ли, заглянем сюда, Лизок?

Девушка отрицательно качнула головой, а затем, взяв Степана под руку, сказала:

– Нет так нет. *Она* не хочет, чтобы мы встречались...

Неужели Лиза действительно произнесла это вслух? Однако Степан, то ли не расслышав, то ли не придав сказанному значения, не стал уточнять, что она имеет в виду.

Точнее, *кого*.

– Ну, тогда заглянем к твоей тезке в наш следующий приезд в Париж, так ведь, Лизок?

Если этот их следующий приезд в Париж *вообще состоится*.

* * *

Покинув здание Лувра, который, по-прежнему, хотели посетить толпы желающих, они заглянули в сад Тюильри, про-

шлись по набережной Сены, заглянули в кафе, а оттуда направились к съемной квартире: уже вечерело.

Степан о чем-то живо рассуждал, кажется о каких-то свадебных делах, но Лиза слушала его вполуха, точнее, *вообще не слушала*.

Сказать ему или нет?

То, что ей понадобится время. То, что, не исключено, она не выйдет за Степу замуж – ни в скором будущем, ни в отдаленном.

Что ей надо подумать.

– Ты такая молчаливая и грустная, – произнес он и приобнял девушку. – Что такое, Лизок?

Если бы он только знал... Впрочем, он ведь имеет право знать. Конечно, *имеет*. Но вот только какой будет его реакция?

Вряд ли уж такой позитивной.

– А, понимаю, ты все еще расстроена, что не смогла увидеть свою тезку! Ну, это дело поправимое. Вот, смотри! В кафе я уже по Интернету купил билеты в Лувр на завтра!

Он уже купил билеты – *на завтра!* Степа, безусловно, хотел сделать как лучше, а получилось...

Да, акак, собственно, получилось?

Лиза взглянула на своего друга, который на полном серьезе собирался стать в скором будущем ее мужем – и предложение которого она, собственно, уже приняла.

Неверно истолковав ее взгляд, молодой человек скромно

заметил:

– Ну нет, благодарить меня вовсе не обязательно, Лизок! Я ведь всегда знаю, что тебе нужно. *Так ведь?*

Боясь, что снова разрыдается или, что хуже того, ляпнет какую-то резкость, которая приведет к разрыву их отношений прямо здесь, на улицах Парижа, во время их романтического предсвадебного путешествия, Лиза, заметив сбоку первую попавшуюся лавку, решительно направилась туда.

– Хочу зайти туда! – заявила она и, даже не удосужившись посмотреть, что это за магазинчик, толкнула тяжелую стеклянную дверь.

И попала в совершенно *иной* мир.

* * *

Магазинчик оказался антикварным: прямо с порога на нее уставились глаза двух каменных львов. Рядом возвышался огромный тускло-золотистый Будда. А чуть поодаль было что-то жуткое, с песьей головой, в египетском стиле.

Зная, что слова, которые могли разрушить их отношения, все еще вертятся на языке, Лиза, услышав у себя за спиной треньканье колокольчика (Степа, конечно же, последовал за ней), устремилась куда-то внутрь антикварной лавки.

Похоже, они были единственными посетителями, да и хозяина не видно. Нырнув, словно прячась от Степана (хотя почему, собственно, *словно* – так и есть, она пряталась от него)

за огромный резной шкаф, Лиза устремилась куда-то дальше, мимо изящных кресел в стиле рококо, столиков с малахитовыми столешницами, портретами, пейзажами и натюрмортами в тяжелых рамах.

Куда глаза глядят.

– Лизок, ты где? – раздался голос Степы, кажется, даже несколько испуганный. – Отзовись!

Девушка, понимая, что поступает по-детски, двинулась вперед и, не думая подавать голоса, наткнулась вдруг на черную, бархатную, с красной окантовкой занавеску. Девушка протянула к ней руку, но та вдруг раздвинулась, и перед ней очутилась крошечная, крайне элегантно одетая дама с короткими седыми, асимметрично подстриженными волосами.

– Добрый вечер! – произнесла она на *чистейшем* русском, правда чрезмерно грассируя букву «р». – Как я могу вам помочь?

Уставившись на нее, Лиза не знала, что и сказать, и только выдавила из себя:

– Добрый вечер...

Но отчего-то на французском.

Дама, задвинув крошечной рукой, больше похожей на птичью лапку, правда, в драгоценных перстнях, за собой занавеску, улыбнулась:

– Удивляетесь, вероятно, отчего я приветствую вас по-русски? Ну, потому что ко мне частенько заглядывают ваши соотечественники. Хотя в последнее время мне приходится

брать курсы китайского. *Туристические потоки меняются...*

Лиза рассмеялась, а дама, жестом хозяйки предложив ей двинуться по антикварной лавке, продолжила:

– Однако у меня, несмотря на мой возраст, чуткий слух. Я слышала, как вы и ваш спутник переговаривались на русском. Поэтому и позволила себе обратиться к вам именно так. Или вы предпочитаете французский?

Последнюю фразу она произнесла на безупречном французском, причем с явным парижским выговором.

– Вероятно, мне бы неплохо освежить свои знания французского... – произнесла Лиза, вдруг в ужасе понимая, что сделала досадную грамматическую ошибку.

Дама, улыбнувшись, продолжила на русском:

– Ах, ваш французский *прелестен!* Кстати, ваш спутник ищет вас. Кажется, он только что налетел на одного из сфинксов!

До Лизы донесся глухой звук удара и чертыханья Степы.

– Ваш муж? – произнесла дама, и Лизы быстро ответила:

– Нет, мой друг!

И смолкла под проницательным взглядом хозяйки антикварной лавки.

– *Понимаю.* По этой причине я ни разу не была замужем. Ах, разрешите представиться меня зовут мадам Барбара, и вы находитесь в моем антикварном салоне здесь, в Сен-Жерве, о чем, однако, как я предполагаю, вы уже успели догадаться!

Снова послышались чертыханья Степы, и мадам Барбара произнесла:

– Подыщите что-либо для себя, дорогая! То, чем вам очень хочется обладать и что вы никому другому не отдадите! А я проведу вашего мужа, извините, *друга*. Потому что он только что налетел на *второго* сфинкса!

Исчезнув столь же внезапно, как и возникла, мадам оставила Лизу в одиночестве. До нее донесся журчащий голос хозяйки антикварного салона, смех Степы, и, поняв, что этим двоим *нечем поговорить*, Лиза продолжила свои изыскания.

Ну да, наверное, не только в антикварной лавке, но и в жизни в целом все сводится к тому, чтобы подыскать то, чем очень хочется обладать и что никому другому отдать не пожелаешь.

До Лизы снова донесся смех Степы, который напропалую кокетничал с пожилой хозяйкой антикварного салона, и девушка задумалась о том, относится ли она к этой возрастной категории.

Ответа она дать не могла – или, вероятно, даже *не хотела*, – и Лиза отправилась как можно дальше в чрево антикварного магазинчика, не желая слышать обрывки разговора Степы и мадам Барбары.

Он только что сделал ей двусмысленный комплимент? Обогнув массивный гранитный саркофаг (господи, неужели есть люди, которые приобретают *такое?*), девушка заме-

тила витую лестничку, которая уходила вниз, куда-то в подвал. На стене вдоль лестницы висели офорты и миниатюры – Лиза поняла, что подвал тоже доступен для посетителей, и спустилась вниз.

Там царил полумрак, со всех сторон что-то тускло посверкивало, громоздилось, топорщилось, скалилось. Выбор в антикварной лавке был огромный – однако, несмотря на то что на глаза ей попало множество дивных и даже явно драгоценных вещей, ни одна из них не привлекла внимания Лизы. *Ине вызвала* желанья обладать этим и никому не отдавать!

Осторожно опустившись в резное, явно старинное, с потрепанной обивкой, но в целом отлично сохранившееся вольтеровское кресло, в котором – *кто знает?* – два с половиной столетия назад мог сживать сам знаменитый философ, пописывая своего «Кандида», Лиза перевала дух, чувствуя, что на нее накатывает усталость.

И не только из-за того, что они большую часть дня были на ногах, а в предыдущую ночь мало спали. Но и оттого, что сверху до нее снова донесся голос Степы, который рассказывал парижской мадам какую-то милую шутку. Ну да, он наверняка ее очаровал, как Степа всегда умел всех очаровывать.

И ее саму.

Возможно, от этого она и устала: *быть им очарованной.*

– Но где же Лиза? – услышала она громкий голос своего друга и будущего мужа.

Или уже *не* будущего мужа?

Девушка сжалась в комок, боясь, что мадам вместе со Степой спустятся сюда, в подвал антикварной лавки, и это нарушит ее затворничество.

– Думаю, она нашла то, что ее заинтересовало, и то, что она никому не захочет отдавать! – ответил мелодичный голос мадам Барбары, а Степа, как всегда самонадеянный, заявил со смехом:

– Ах, она ведь уже нашла меня, разве ей кто-то *еще* требуется?

Опасаясь, что они вот-вот спустятся на подземный этаж и обнаружат ее, Лиза осторожно поднялась из вольтеровского кресла, осмотрелась, желая отыскать место, в котором можно отсидеться хотя бы последующие десять-пятнадцать минут, двинулась в сторону стоявших стайкой комодов, за которыми скрывалась крылатая мраморная богиня, резонно полагая, что там ее никто не потревожит, пока она приходит в себя и размышляет над правильным решением...

Хотя что такое это самое *правильное* решение?

...И вдруг увидела на стене, в обрамлении прочих женских портретов, *ее*. Свою *тезку*. «Мону Лизу».

* * *

Остановившись словно вкопанная, Лиза уставилась на картину без рамки. Конечно, это была копия «Моны Лизы»,

причем, судя по всему, копия *неплохая*, однако испытывавшая на себе воздействие времени и от этого потемневшая, походившая даже отчасти на икону.

И все равно это была *она*.

Лиза подошла вплотную, всматриваясь в светлое пятно лица Моны Лизы. За спиной, в отличие от оригинала, рассмотреть какой-либо ландшафт было практически невозможно: так от времени потемнели краски. Лиза протянула руку, желая дотронуться до картины, но все не решалась сделать это.

– Кажется, вы нашли то, чем желаете обладать и что никогда не отдадите, – раздался у нее за спиной голос, и Лиза подпрыгнула от ужаса. Мадам Барбара, склонив седую голову, смотрела на нее.

– Хотите взять ее в руки? Что же, обычно я не позволяю, однако для вас сделаю исключение.

Она сняла картину и передала ее Лизе. Та, держа ее бережно, словно ребенка, всмотрелась в лик дамы, на устах которой играла знаменитая улыбка.

– Копия конца семнадцатого или начала восемнадцатого века, причем весьма талантливая. Конечно, заметны различия со всемирно известным оригиналом, да и энергетика совсем не та, однако в ней определенно что-то есть. Я рада, что вы выбрали именно ее. Точнее, если уж на то пошло, *она* выбрала вас.

– Она выбрала *меня*? – произнесла эхом Лиза, и мадам

Барбара подтвердила свои слова кивком:

– Да, она. Поверьте моему опыту: не мы выбираем наши талисманы, а они нас! Ведь у каждого из нас есть в жизни свой талисман, не так ли?

Лиза пожалала плечами, и мадам ахнула:

– У вас нет талисмана? Ну, теперь он у вас появился. Это творение неизвестного художника, думаю, итальянской школы, который во всем стремился подражать Леонардо, но так и не достиг даже десятой доли его мастерства.

– А у вас талисман есть? – спросила Лиза, и хозяйка антикварного салона, усмехнувшись (став на мгновение похожей на Мону Лизу), ответила:

– Я же сказала: *у каждого!*

Лиза осторожно провела пальцами по тусклой, испещренной трещинами поверхности картины.

– А теперь и у вашего мужа, извините, *друга*. Он обнаружил прелестный сервант эпохи Третьей империи и уверен, что он станет украшением вашего семейного гнездышка. Не хотите ли взглянуть?

Лиза отрицательно качнула головой – нет, взглянуть на прелестный сервант эпохи Третьей империи, который к тому же должен стать украшением их семейного гнездышка, она не желала.

По той причине, что этого семейного гнездышка у них еще не было, но Степа намеревался в самое ближайшее время, еще до их свадьбы, *разумеется*, озаботиться его обу-

стройством.

До их свадьбы...

– А она... *продается*? – спросила тихо Лиза, и мадам Барбара залилась серебристым смехом:

– В этом и заключается мой бизнес! Здесь продается все, за исключением моего талисмана, однако он не выставлен на всеобщее обозрение. Значит, вы хотите приобрести эту милую копию «Моны Лизы»?

Лиза с самого начала, вероятно, как только увидела это тусклое, потрескавшееся, для других ничем не примечательное полотно, приняла решение: она никому его не отдаст.

– Наверняка она... *дорогая*? – произнесла девушка, и мадам Барбара развела руками в перстнях.

– Ну, это также является частью моего бизнеса. Однако если я вижу, что клиент нашел свой талисман, то не препятствую их воссоединению. Зачастую даже и себе в убыток.

Лиза вздохнула: ну да, сразу понятно, что *затриста евро* не отдаст. Она совсем не разбиралась в произведениях искусства и понятия не имела, сколько могла стоить такая вот копия «Моны Лизы», пусть и не такая уж старинная, пусть и выполненная неизвестным художником, пусть и в плохом, неотреставрированном состоянии.

Но это была *ее* «Мона Лиза» – ее *талисман*.

– А разве в жизни есть что-то дешевое? – одарила ее сентенцией хозяйка антикварного салона, упорно не желая называть цену. – Пока поразмыслите на досуге, сколько вы го-

товы заплатить за вашу «Мону Лизу», а я вернусь к вашему другу. Думаю, ему тоже требуется помощь!

Лиза, продолжая держать в руках картину, вернулась к вольтеровскому креслу, опустилась в него и, рассматривая свой *талисман*, с досадой подумала о том, что хозяйка, верно распознав в них молодых русских, к тому же *состоятельных*, заломит несусветную цену.

Еще бы, в этом, несмотря на весь шарм, обходительные манеры и ауру таинственного, и заключался *ее бизнес*.

Три тысячи евро? Пять? *Десять?*

Но стоит ли платить такую сумму за плохую копию всемирно известного шедевра? Лиза снова провела кончиками пальцев по изображению Моны Лизы, а потом осторожно перевернула тонкую деревянную доску, на которой была увековечена дама эпохи Ренессанса.

Обратная сторона была еще более темная, чем внешняя, кажется, даже закопченная. По краю доски Лиза разглядела геометрический узор.

Ну да, это и есть ее талисман – только вот как она объяснит это Степе, который, судя по всему, тоже отыскал *свой*.

– Лизок, ну ты где? – донесся до нее голос Степана. – Куда ты пропала?

Пришлось покинуть свое убежище и подняться к нему. Степан, то и дело откидывая со лба свой черный локон, в шуточной форме вел жесткие торги с хозяйкой антикварного салона.

– Вот, посмотри, это же для нашего дома будет в самый раз! – Он указал на нечто громоздкое, сверкающее, золоченое. – А вот если еще и эти креслица добавить, будет просто шик да блеск!

Шик да блеск, это уж точно. Лиза сделала вид, что рассматривает прелестный сервант эпохи Третьей империи, а также стильные креслица.

Может, и неплохо, может, даже очень хорошо, но это *Степино*, а никак не *ее*.

– С учетом того, что это придется отправлять в Москву, я не могу больше снизить цену... – заявила мадам Барбара, в серебряном голосе которой вдруг прорезались стальные нотки, а Степа, снова откинув со лба черный локон, заявил:

– Но если мы возьмем еще вот эти креслица и, думаю, вот этот секретер, то ведь сможете?

Тактика Степы всегда заплучать в итоге то, что он хотел, используя напор и обаяние, Лизе была отлично известна.

Отлично.

– А ты что скажешь, Лизок? – обратился он к ней, явно желая, судя по тону, получить подтверждение собственной правоты. – Если это комбинировать с яркими цветами и ультрасовременной техникой, будет просто отпад, не находишь?

Вероятно, так и было, Лиза, прижимая к груди, впрочем, осторожно, «Мону Лизу», *свою* «Мону Лизу», взглянула на все это мебельное великолепие.

– У вас ведь на этот счет имеется свое мнение, не так ли? –

спросила мадам Барбара, словно приободряя ее, а Степа, подойдя к ней и взяв девушку за руку, произнес:

– Будет очень круто, доверься мне, Лизок! Ты же знаешь, что у меня на такие вещи просто нюх...

Да, на такие вещи у Степы в самом деле просто нюх...

– А ты что там откопала? Подержанную стиральную доску, что ли? – произнес он со смешком, указывая на «Мону Лизу», которую девушка другой рукой прижимала к груди. – Это что такое, какая-то антикварная дребедень? Господи, Лизок, и зачем тебе такой ширпотреб, пусть и двухсотлетней давности!

Он буквально вырвал у нее «Мону Лизу», *ее* «Мону Лизу», бросил на нее критический беглый взгляд и заявил, вручая ее мадам Барбаре:

– Ну да, конечно, «Мона Лиза»! Еще только копии «Незнакомки» и «Девятого вала» в нашем семейном гнездышке не хватало. К тому же копии плохой и еле видной. Нет, этого мы брать точно не будем!

Мадам Барбара, принимая картину, произнесла:

– Думается, мадмуазель придерживается по этому поводу *инной* точки зрения...

Степа, взглянув на Лизу, взял ее за плечи и достаточно сильно потрянул.

– Лизок, ты что, плачешь? Ну, извини, конечно, если эта стиральная доска тебе так дорога, мы обязательно ее возьмем. *Обязательно!*

И, повернувшись к мадам, произнес:

– Добавьте ее к тому, что я выбрал. Сколько вы хотите за нее? Двести евро?

Мадам, сжав губы, процедила:

– Двеститысяч евро!

Степан, расхохотавшись, заявил:

– Отличная шутка! Ну да, за такую стиральную доску двести тысяч евро – самая подходящая цена. И это при том, что любой мало-мальски одаренный художник на Мон-мартре сваяет такую за пятьсот евро. Ладно, поэтому так и быть:*пятьсот.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.